

ошейнике»? Боюсь только, что ответить на это по советски у вас не хватит мужества.

Капри, 14/VIII 26 г.

ЮР. ЮРЫН

Р. С. Зная вашу систему подмарывания репутации противника, сообщаю вам о себе наперед: я—драматург, «попутчик», интеллигент, беспартийный, проживал в СССР со дня революции по 1926 г., ни разу не сидел в ГПУ, не был арестован и не подвергался обыскам; никто из моих родных и близких не был расстрелян и не сошел с ума «в застенках Чека». Большевиками я не подкуплен и существую на свой литературный заработок, правда, вполне приличный,—в настоящее время умираю от чахотки на Капри и едва

ли увижу снова СССР,—что, к сожалению, лишает вас даже возможности обвинить меня в подмазании к Соввласти и пр., ибо в моем положении едва ли мне что-нибудь от кого-либо нужно.

Болезнь мою объясняется мой запоздалый ответ вам—мне трудно писать много. **Ю. Ю.**

От редакции. Настоящее письмо напечатано без всяких комментариев в органе прусской охранки и царских холопов—«Руле» № 1739. Журналисты Яблоновский и К^о ретиво и преданно выполняют задания своих хозяев—прусских юнкеров и черных эмигрантов, при помощи лжи, клеветы и провокации роющих яму для СССР. Но характерно: они получают отповедь на страницах своей же газетки. Это уже похоже на крах!

О литературе по искусствознанию

(Статья дискуссионная)

Мало в какой стране искусство получило расцвет, подобный искусству Советского Союза. Наша художественная жизнь бьет ключом; художественной практике уделяется масса внимания, споры о ней идут непрерывно, начинается и движется порядочными шагами вперед пролетарское художественное движение, после Октябрьской революции создан ряд совершенно своеобразных и новых форм искусства, — вообще, практически, во всей системе современной культуры искусство у нас играет видную и почетную роль, его общественное значение признается и, признаваясь, усиливается, а распространение художественной продукции захватывает население и вширь и вглубь.

Между тем, теория искусства продолжает в Советском Союзе оставаться чуть ли не на еще низшем уровне, чем до революции. Надо сказать, что искусствознание всегда было самым слабым пунктом русской науки; научная литература по искусствознанию и прежде, и сейчас или чрезвычайно слаба по квалификации, или узкоспециализирована и немногочисленна. И в сравнение, даже очень снисходительное, с литературой западно-европейских государств она идти никак не может. Русское искусствознание наименее развитая наука среди русских наук вообще и наименее развитая среди наук об искусстве в других государствах.

Казалось бы, что повсеместное организуемое влияние марксистской мысли должно было привести у нас к серьезным мероприятиям по части возрождения или, вернее, создания подлинного научного искусствознания. Огромный размах художественной практики должен был как будто энергично подтолкнуть теоретическую работу и силами заинтересованных деятелей и силами государства. С точки зрения марксизма стихийная эволюция общества, каких бы то ни было элементов его и в том числе искусства—нецелесообразна. Научное овладение практикой искусства и в этих интересах научное овладение всем художественным опытом человечества, сочетание общественно-организованной теории и общественно-организованной практики—таковы задачи социализма и продвижки к нему, а следовательно такова задача каждого действительного марксиста.

От этого, однако, мы не только далеки, но в настоящее время просто не видно ни с чьей

стороны желания встать на указанный путь. Такого нелепого разброда в теоретической (большей частью—«извините за выражение, теоретической») работе по искусству, которое наблюдается хотя бы в Москве, едва ли где можно увидеть. Главполитпросвет с его секциями, профсоюзы, пролеткульт, тысячи методологических (так наз.) органов, комиссий, коллегий, всяческие кабинеты по клубному искусству, десятки журнальчиков среднего калибра, изобретающие теории на фельетонный лад, социологические секции то при одной Академии, то при другой, институт при МГУ, разбродное и дилетантское обсуждение всех искусств вместе взятых, печатные периодические издания сразу для разных видов искусства от цирка до археологических раскопок, — вот та картина, которая составляет собою характерную физиономию советского искусствознания.

Неудивительно, что ни те, ни другие не оказались способными создать или хотя бы положить начало созданию у нас приличной литературы по искусствознанию. Нельзя же ведь считать литературой брошюры Госиздата о Венецианове, о древней Греции, о каких-то древностях и прочем, где нет ничего ни о современности, ни о социологии искусств, где профессионализм мешает популярности, а популярность профессионализму. Нельзя и стыдно считать серьезными журналами те (пресловутые «Искусство Академии Художественных Наук»), в которых есть все, что продают в универсальных магазинах: и театр, и литература, и пространственные искусства и т. п. и т. п.

А в это самое время остальные научные дисциплины обзавелись своими специальными журналами, издают высоко-квалифицированную книжную литературу; а в это самое время любое западно-европейское государство обладает многими теоретическими органами, богатой литературой по всем специальностям в искусстве.

Одним словом, у нас искусство в почете, а искусствознание в невероятном и губительном запоне.

Что же надо предпринять в области развертывания искусствоведной литературы для того, чтобы прекратилось подобное несоответствие между теорией и практикой?

Прежде всего надо решительно устранить, вырвать с корнем смещение и соединение, свойственное лишь весьма низкой стадии научного развития разных областей искусства. Современная наука об искусстве настолько обширна и сложна, что сначала требуется детальная специализация в ней по родам искусств: иначе невозможно будет говорить о нужном и важном синтезе, о всеобщей теории искусств. Следует обособить теорию литературы от теории пространственных искусств и т. д. А затем перейти к изданию соответствующих журналов.

Поскольку здесь лишь занимает теория пространственных искусств, которой, собственно, и принадлежит термин «искусствознание», постольку о ней я и буду говорить.

Искусствознание крайне нуждается в центральном академическом (не в смысле «архивном») периодическом органе. Без него прямо-таки невозможно ни связать социологизированную науку, происходящее теперь, с работой специалистов-идеалистов, ни дискутировать в плоскости строгой теории по самым животрепещущим проблемам сегодняшнего дня, ни опубликовывать новейших и последних достижений науки, ни объединять пишущих ученых, ни регистрировать успехи науки в Союзе и за границей, ни приучать практиков к теории, а отвлеченных теоретиков к практике, ни, наконец, распространять в широком обществе, имеющем решающее значение для художественной

практики, квалифицированную художественную теорию.

Единственное возражение, обычно выдвигаемое против журнала по искусствознанию, есть ссылка на недостаток средств. Но можно собрать силы ряда издательств, пробующих на свой страх и риск выпускать разную макулатуру или случайные книги, а вместо всего этого создать один крупный журнал по искусствознанию (теория литературы имеет два-три журнала, прочие же науки об искусстве много слабее науки о пространственных искусствах).

Это раз.

Во-вторых, следует радикально реорганизовать постановку работы в Госиздате, который, с одной стороны, вообще мало думает о якобы «нерентабельной» литературе по теории искусств, а с другой — пока что пробавляется подмосковными усадьбами конца XVIII-го и начала XIX века или сочинениями общего характера, далеко не специальными, не-исследовательскими и часто антимарксистскими.

Итак: центральный сугубо-теоретический журнал; марксистская методологическая литература; исследования и изыскания; теория современного искусства — эти четыре задачи слишком актуальны, чтобы можно было обойтись без них.

Расцвет искусств должен пробудить к расцвету теории искусств, и первым шагом к этому будет достаточная постановка искусственно-литературного дела.

Б. АРВАТОВ

МХАТОФИКАЦИЯ

Помещение б. Дмитровской оперетты отобрано у коллектива и передано Муз. Студии МХТ.

Хотя театральное дело горит, но погоня за помещениями огромная.

Плох тот кассир, который из кассы, где есть сто рублей, не сумеет украсть двести.

Плох тот администратор, который не умеет из дефицитности театра делать его благополучие.

Театр начинается с помещения.

Итак, в Москве есть коллектив оперетты с труппой, репертуаром, декорациями и без помещения. Значит, это не театр. И есть помещение без труппы, без руководителей, без репертуара. Значит, это театр.

Коллектив оперетты образован Моспосредрабисом, который не сумел обеспечить за коллективом помещения, забыв, что у семи комиссий дитя без глаза. Сиречь без помещения.

Во-истину, Мхатят по осени считают. Размножаются почкованием. В драме — МХТ, в опере — МХТ, в оперетте — МХТ.

Раньше говорили:

— Всяк сверчок знай свою студию!

Я думаю, что когда музстудии нечего будет играть, когда она допериколит всю Москву, она будет просить коллектив:

— Лиха беда начало! Я играла, а ты доигрывай!

Говорят, что коллектив будет играть в цирке. Тоже хорошо. Не место красит человека, а человек перекрашивается ради места.

Стойла стóит переделать под уборные. Ярон на правах члена Авиохима будет под куполом шимми танцовать.

— Помнишь ли ты, как улыбалось нам счастье?!

Ну, и улыбнулось. И помещение улыбнулось.

Хорошо, что еще есть в Москве Зоологический Сад. Там тоже можно играть.

Без шуток: Москва неблагополучна по мхатерии.

Граждане! Введите режим экономии на МХАТЫ.

Чтоб в каждом городе не больше, чем по одному МХАТУ. А уездные города в отношении МХАТОВ районировать так, чтоб на пять городов по одной студии.

После того, как СССР будет соответственно мхатефицировано, дальнейшая мхатификация останавливается. Все

театры отменяются за ненадобностью. И в стране будет тишь да МХАТЬ — художественная благодать!

Я думаю, что коллективу оперетты надо тоже стать МХАТОМ, тогда их не будут МХАТОМ покрывать.

Болезнь растет. В каждом домике заводится свой МХАТ.

Детей будут регистрировать по МХАТАМ.

Обыватели будут вести летосчисление так:

— Это было так давно, что еще эстрады Мхатовской не существовало. И было у МХАТА всего-на-всего каких-то шестнадцать театров.

Бедному коллективу не везет. Сначала он был во власти антрепренера, но с помещением. Теперь без антрепренера и без помещения. Поспешные сделают отсюда вывод, что для того, чтоб иметь помещение, надо иметь антрепренера.

Мне странно только:

— Если такая нужда на театральные помещения, то почему в театральных помещениях заводятся кинотеатры (Альказар, Колизей и пр.)?

Вобла идет по Волге густой толпой.

МХАТ пошел по Москве еще гуще. Я не против того, чтоб в Москве на разводку либеральной интеллигенции или как экспонат для Бахрушинского музея оставили пару Мхатов. Но нельзя же такое ак-туальное засилие.

Ну, мхатни раз, мхатни два, — но нельзя же до бесчувствия!

В Москве есть ироническая надпись:

— Проезд художественного театра!

Какой же это проезд, коли застряли на веки вечные!

— МХАТОМ земля полнится!

Ведь не могут же все восхищаться одним театром (без лиц в ста лицах божество!) и петь:

— Что может сравниться с Мхатильдой моей?!

Коллективу осталось горестно восклицать:

— За одного мхатого двух немхатых дают!

Итоги:

Муз. студия без муз. Музоводитель Немирович вкупе с Данченкой за границей. Единственная актриса тоже музотерствуется за границей. Это Бакланова.

А ежели они не приедут? Кто же будет и кого же смотреть в Дмитровском запустении? И придется музстудии в пустом зале декламировать:

— В старинном замке скребются мыши!..

ВАДИМ ШЕРШЕНЕВИЧ